

УДК / UDC 1 (091) (470) «19»

DOI 10.35231/18186653_2021_1_31

Понятие «политического» в русской философии конца XIX – начала XX веков: В. В. Розанов и И. А. Ильин

И. В. Жданова, К. Г. Мальцев, А. В. Мальцева

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова,
Белгород, Российская Федерация*

Введение. Задачей статьи является выявить в русской философии конца XIX – начала XX веков формальные (понятийный аппарат) и содержательные (смыслы и трактовки) аспекты философии политики.

Содержание. Авторами определен «методологический горизонт» интерпретации. Во-первых, применено введенное Аристотелем различие между «ойкосом» и «полисом», имеющее парадигматическое значение для философствования о политике. Во-вторых, дано определение двух существующих парадигм философии политики («понятие политического» К. Шмитта и «экономическая парадигма», выявленная Дж. Агамбенем). В-третьих, указано на существенные черты политического содержания в современной философии. В-четвертых, показано, что философствование о политике «разворачивается» в пространстве «существенного раздвоения» *auctoritas* и *potestas* в европейской государственной мысли. Авторы считают, что господствовавшие в русской философии конца XIX – начала XX веков настроения и традиция сведения политического к «религиозному оправданию», «моральному оправданию», к праву etc – ограничивали возможность философии политики. Заявленным критериям соответствуют учение «о сопротивлении злу силою» И. А. Ильина и «миф о русском царстве» В. В. Розанова. Оба эти подхода сохраняют «экзистенциальный разрыв», предполагающий не-редукционистское понимание политического и, следовательно, возможность философии политики.

Выводы. Авторы доказывают, что «не-редукционистская» философия политики (в отличие от различных способов «философствования о политике») возможна только в парадигме понятия «политического». В статье выявлены существенные черты рассмотренных учений; показано, что понятие «политического» может быть «удержано» двумя различными способами: по И. А. Ильину – как утверждение безусловной противоположности «добра» и «зла» и права власти «на жизнь и смерть»; по В. В. Розанову – как «смерть» не-политических порядков «русского царства».

Ключевые слова: философия политики, метафизика, миф, русская философия, мировоззрение, власть.

Для цитирования: Жданова И. В., Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Понятие «политического» в русской философии конца XIX – начала XX веков: В. В. Розанов и И. А. Ильин / И. В. Жданова, К. Г. Мальцев, А. В. Мальцева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 31–43. DOI 10.35231/18186653_2021_1_31

The concept of “political” in Russian philosophy of the late 19th – early 20th centuries: V. V. Rozanov and I. A. Il'yin

Irina V. Zhdanova, Konstantin G. Maltsev, Anna V. Maltseva

*Shukhov Belgorod State Technological University,
Belgorod, Russian Federation*

Introduction. The aim of the article is to identify the formal (conceptual apparatus) and substantive (meanings and interpretations) aspects of the philosophy of politics in the Russian philosophy of the late nineteenth and early twentieth centuries.

Content. First, we apply the distinction introduced by Aristotle between “oikos” and “polis”, which has a paradigmatic meaning for philosophizing about politics. Secondly, the definition of two existing paradigms of the philosophy of politics is given (“the concept of the political” by K. Schmitt and “the economic paradigm”, identified by J. Agamben). Third, it points out the essential features of the political content in modern philosophy. Fourth, it is shown that philosophizing about politics “unfolds” in the space of “significant bifurcation” of auctoritas and potestas in European state thought. The authors show that the prevailing mood in Russian philosophy of the late nineteenth and early twentieth centuries and the tradition of reducing the political to “religious justification”, “moral justification”, and law, etc., limited the possibility of a philosophy of politics. The stated criteria correspond to the doctrine “on resistance to evil by force” by I. A. Il'yin and “the myth of the Russian kingdom” by V. V. Rozanov. Both of these approaches preserve the “existential gap”, which presupposes a non-reductionist understanding of the political and, therefore, the possibility of a philosophy of politics.

Conclusions. The authors argue that a “non-reductionist” philosophy of politics (as opposed to various ways of “philosophizing about politics”) is possible only in the paradigm of the concept of “political”. The article reveals the essential features of these teachings; it is shown that the concept of “political” can be “held” in two different ways: according to I. A. Il'yin – as a statement of the unconditional opposition of “good” and “evil” and the right of power “to life and death”; according to V. V. Rozanov – as the “death” of non-political orders of the “Russian kingdom”.

Key words: philosophy of politics, metaphysics, myth, Russian philosophy, worldview, power.

For citation: Zhdanova, I. V., Maltsev, K. G., Maltseva, A. V. (2021). Ponyatie “politicheskogo” v russkoj filosofii kontsa XIX – nachala XX vekov: V. V. Rozanov i I. A. Il'in [The concept of “political” in Russian philosophy of the late 19th – early 20th centuries: V. V. Rozanov and I. A. Il'in]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 31–43. DOI 10.35231/18186653_2021_1_31 (In Russian).

Ведение

Русская философия конца XIX – начала XX века может быть рассмотрена в двух взаимосвязанных контекстах: во-первых, она принадлежала современности, как противостояние прошедшему и устаревшему; во-вторых, ее время – это время русской революции. Обе названные соотнесенности необходимо предполагали *существенную* «замешанность» философии в «политическое» (особенно, если согласиться с тем, что «современность» и *есть* революция, что прочитывается у Х. Арндт: *архэ* «современности» есть Американская революция, то есть учреждение *нового порядка* – без «абсолюта» [4]).

М. Хайдеггер утверждал, что по обстоятельствам «сути современности», философия становится «невозможной»:

«Простейшее философское познание в эпоху завершеного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [20, с. 431].

Большая часть того, что привыкли называть философией, ни в каком случае ей не является и даже ее «не затрагивает». В первую очередь, это относится к «популярной философии» как «феномену современности», когда «люди вслепую пытаются странным образом философствовать без философии» и, таким образом, «публика, которая не знакома с философией и не нуждается в ней, получает представление, будто теперь настал час «истинной философии»» [19, с. 242, 243]. «Близость к жизни», как лозунг, и возникающие здесь многочисленные разновидности «философии жизни», означают переход философии «в свою не-сущность, она превращается в “схоластику” или “мировоззрение”» [19, с. 497]. Первое характерно для так называемой «академической» или «университетской» философии; второе – широко распространено как «общее» представление о «философии» среди «публики». «Философия» в этом ее значении, бывает, «вовлекается в политику», или как «философский фундамент для какой-то в узком смысле политической возни», или как «удобный случай, чтобы заниматься какой-то «философией»» [19, с. 75]. В любом случае, налицо враждебность к философии.

Русская философия, будучи вне-академической (преимущественно), никогда и не «скрывала» претензии быть больше, чем «просто философией», а именно – мировоззрением, и в «революционную эпоху» (или, по Хайдеггеру, в «эпоху нигилизма») она, как мы сказали, существенно определялась «связью с политическим».

Содержание исследования

Очевидно, что указанная «определенность», в свою очередь, нуждается в определении: настолько она необычна. В корпусе работ русских философов конца XIX – начала XX века легко найти пронизательные замечания о политике и революции, рассуждения «о должном» в политике и в разных ее направлениях (от «церковного вопроса», национальных и цивилизационных отношений, «роли интеллигенции в революции» – и до «мистического анархизма» и «царской власти»). Но все это, даже взятое вместе и систематизированное – не образует «философии политики» в ее «сути». Более того: названное – в большинстве случаев лишь «внешнее» и «наносное» (или «акциденции»), но даже как «существенное», было вызвано безраздельно господствующим (и почти всегда – философски обоснованным) среди русских философов того времени настроением (здесь, в настроении, мы обнаруживаем определяющее значение современности как революции: *отвращение*). «Политическое» редуцировалось, обычно, к «религии» («религиозное оправдание политики») или к этике («моральное оправдание политики»), иногда – к праву («общественный договор» у П. И. Новгородцева [14, с. 13–524]).

Итак, первый вывод: отечественное философствование о политике «разворачивалось» в большинстве случаев как редукция политического. Наиболее последовательно, и «из самой политики» (а не «извне»), этот подход, как мы считаем, реализован С. Л. Франком в работе «Духовные основы общества» [18, с. 13–147]. Это вполне понятно и объяснимо: во-первых, «самоопределением» в качестве «религиозной философии»; во-вторых, огромным влиянием классической русской литературы, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, на сам способ рассуждения о политике; наконец, в-третьих, следованием традиции европейской философии, в которой политика *не рассматривалась* как не-редуцируемая «область сущего»¹. Все это определяло способ философской рефлексии «политического».

Тем не менее, если исключить из рассмотрения своего рода «философские маргиналии»², то можно выделить две, полярно противоположные, позиции, которые, в связи с русской философией конца XIX – начала XX века, позволяют

¹ В последнем случае требуются, конечно, уточнения – скажем, в связи со взглядами Макиавелли [11] и Гоббса [7]. Однако преобладающим было влияние И. Канта (философское понимание политики не может не быть «завершено» этикой).

² Например, русский марксизм, с его «экономической» редукцией политического (как «особым случаем», по П. Б. Струве [17]).

говорить о философии политики в *строгом* (почти «шмиттовском», методологическом) значении – миф о «русском царстве» В. В. Розанова и учение «о сопротивлении злу силою» И. А. Ильина.

Однако прежде обозначим то, что называется понятием «политического», и является предметом философии политики. Существуют две парадигмы политической философии (речь идет о западной философии, к которой принадлежит в целом и русская философия) и два понимания, как определять эти парадигмы: во-первых, деление на «экономическую парадигму» (Дж. Агамбен [2]) и «понятие политического» (К. Шмитт [23]); во-вторых, предложенное Ф. Р. Анкерсмитом [3] различие «макиавелистской» и «стоицистской фундаменталистской» традиций.

Первое различие, в своей основе, известно в связи с аристотелевским разделением «ойкоса» и «полиса»: ойкос, домашнее хозяйство, управляется «монархически» (главой дома), когда место и значение каждого (не только человека, но животных и вещей) определяется в усмотрении хозяина («модель» корабля, управляемого капитаном используется для иллюстрации этого случая чаще всего); полис существенно «демократичен» в том отношении, что каждый гражданин свободен и политика рассматривается как вектор противоборствующих сил, а полис – как «общее дело». «Экономическая парадигма», возобновленная в христианстве, предполагает, что «существенный хаос» мира организуется/управляется Богом «провиденциально».

Нет необходимости входить в подробности и в проблемы эволюции экономической парадигмы, достаточно указать на ее почти непрерывное существование вплоть до Нового времени: Мальбранш, Лейбниц, Руссо называются Агамбеном как «наследники» христианства в этом отношении. В новейшее время «экономическая парадигма» известна прежде всего в интерпретации М. Вебера [6], разделившего политику и управление, и считавшего, что современное государство суть *бюрократическое*, то есть управление исключает (постепенно) политику. Шмитт, ссылаясь на Вебера, полагал, что «раздвоение *auctoritas* и *potestas*» является основополагающим различием европейской государственной мысли» [21, с. 190]. В своем «понятии политического» (экзистенциальное противостояние «друг – враг» и решение об этом суверена) Шмитт фиксирует *неустранимость* политического и *недостаточность* только управления в существовании государства как политической формы народа. Суть – в необходимом наличии «экзистенциального разрыва» в историческом (политическом) существовании, как бы его дальше не интерпретировать. Ан-

керсмит [3], что важно, тоже настаивает на конститутивности «разрыва», но интерпретирует его «эстетически», связывая макиавеллиевскую традицию западной политической философии с удержанием этого «разрыва», и противопоставляя ей традицию «стоицистскую», тем или иным способом этот разрыв (безуспешно) элиминирующей. Сравнение указанных подходов – предмет специального исследования [13]; здесь нас интересует только констатация: политическое как «нередуцируемое», возможно, как удержание «разрыва»¹.

В. В. Розанов и И. А. Ильин «удерживают» указанный «разрыв» в своих путях философствования о политике, но, принципиально противоположными («полярными») способами.

И. А. Ильин, во многом как «ответ на революцию» (и непосредственно – на учение Л. Н. Толстого «о непротивлении злу силою»), утверждает, что власть, в предельном случае, властна «над жизнью и смертью» [9] (это – сущность власти и по Агамбену [1]). И дело здесь не сводится только к решению до сих пор иногда вызывающей недоумение кантовской политической проблемы различения «революционера» и «бунтовщика». Если понимать суть революции не как «низвержение старого порядка», но как «учреждение нового» (кажется, на это все еще редко обращают внимание «философы политики»), то революция есть учреждение нового политического порядка. Если такое учреждение «случилось», то власть «над жизнью и смертью» получают революционеры «от имени» этого порядка; если нет, то имеется бунт, и чем он разрушительнее – тем «правомочнее» власть в своем праве и *обязанности* казнить бунтовщиков. Ильин, апеллируя к «норме», то есть к монархическому правосознанию, к порядку, учреждаемому только «санкцией абсолюта» (то есть Бога), – как *религиозный* философ, отрицал за революцией право учреждения (для него право «укоренено» в «божественном»). Потому, даже победив, революция всегда метафизически остается бунтом [8], а учрежденный ею «порядок» – беспорядком, имеющим «инфернальное происхождение»: добро и зло «не меняются местами», и «разрыв» в этом смысле – не может быть «снят».

Н. А. Бердяев определял это учение Ильина как «кошмар злого добра» [5]. С точки зрения «морали», конечно, так оно и есть, но только в том случае, если

¹ В указанном отношении, как бы это ни казалось странным, господствующее в русской философии «редукционистское» понимание политики обретается в горизонте «экономической парадигмы». Впрочем, ничего странного в этом нет: как *религиозная* философия (и христианская, даже православная) она просто «пребывает в своей колее» (если воспользоваться понятием М. Хайдеггера). Понятно утверждение Розанова о его собственной революционности («апокалиптичности»), хотя, конечно, сам он определял ее через другие «обстояния».

«не видеть» существенной противоположности между «добром» и «злом». Виселица есть «адекватное» оружие «христианского воина»: многочисленными ссылками на «отцов» и «учителей» Ильин старается доказать это¹. Разумеется, Ильин нигде не ссылается на К. Шмитта; но «понятие политического» в рассуждениях Ильина, таким образом, «обнаруживается», как и наличествует «удержание разрыва».

Иное дело – В. В. Розанов; пожалуй, самые характерные его высказывание о политике следующие: «Да, есть политический цинизм. Потому что политика вообще есть цинизм» [15, с. 348]; «Нужно разрушить политику, нужно создать аполитичность ... Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью ... обманом, жестокостью». Первый шаг, который нужно сделать, – «перепутать все политические идеи», «сделать красное – желтым, белое – зеленым, разбить все яйца и сделать яичницу» [15, с. 200].

Политика – суть «современности», а современность – и *есть* революция. Ничего не вызывало такого отвращения Розанова, как современность: «Самая почва “нашего времени” испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произращает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет» [15, с. 191].

Из всех русских философов второй половины XIX – начала XX века у В. В. Розанова, кажется, менее всего можно найти «философию политики». По его собственному признанию, ему всю жизнь был чужд «общественный интерес», и это несмотря на то, что как журналисту ему принадлежит бесчисленное количество статей на злобу дня. Но это так: нужно было кормить семью, а как литератор Розанов не имел других способов, как это сделать, кроме сотрудничества в изданиях, «которые платили». И никаких специально «политических взглядов» (не говоря уже об «убеждениях» или приверженности «политической программе») Розанов тоже не имел: «Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить» [15, с. 77], – на этом едва ли можно основать какую-либо политическую программу, а в этих словах – суть Розанова как философа. В общем, самое главное у В. В. Розанова – это «тихая жизнь», которая должна завершиться своей смертью: «Может быть, другие не имеют права умереть сами, но я имею право умереть сам» [15, с. 307]. Из этого права, наивысшей задачи, предназначения, цели: «умереть самому» – вырастает «оправдание царства»: царство «внешним

¹ К. Н. Леонтьев, задолго до Ильина, писал о не-христианстве «розового христианства», которое широко распространялось в Новое время [10]; много интересного про «культурное христианство» мы узнаем и от М. Хайдеггера (например, [19; 20]).

образом», как «сфера», обеспечивает возможность «своей смерти»; оправдание и суть царства. И уже в горизонте этого его оправдания осуществляется содержательная оценка, упорядочение всего того, что составляет «область политического»: становится возможной и даже необходимой – философия политики.

Что касается политической философии, то здесь не может быть лучшего «свидетеля», чем К. Шмитт. В работе «Политическая теология» он характеризует радикальную понятийность как «дошедшую до теологической и метафизической последовательности мысли» и утверждает далее, что «метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма ее политической организации» [22, с. 42]. Это особенно важно в связи с тем, что именно считать политической философией и в какой только форме она может быть. Шмитт приводит многочисленные примеры такой «радикальной понятийности»; мы упомянем лишь один из них: «Изящное повествование *Discours de la méthode*, дает исключительно поучительный пример того, что здесь вначале психологически (а для феноменолога и феноменологически) полное тождество пронизывает метафизические, политические и социологические представления» [22, с. 43]. Далее, Шмитт утверждает, что «окончательной формой» такой радикальной понятийности является миф, то есть когда «рассуждения» достигают ясности и связности мифа.

В. В. Розанов сложил «миф о Русском царстве»; этот миф «обосновывает» все, что было написано им о политике и политическом, задает «систему координат» для рассмотрения того, что он, по его собственным словам, видел. Политику (в общераспространенном ее понимании, и особенно – как суть современности) Розанов, таким образом, отвергал. Но «управление» необходимо, и необходимо Царство, чтобы *отделить* существенное («мою жизнь», которая должна завершиться «своей смертью») – от не-существенного, то есть от специальных задач управления и охранения порядка, без которого – невозможно «умереть самому»¹.

Выводы

В «должном» («оправданном») *порядке*, по Розанову, от политики останется только управление; частная жизнь своей семьей (прежде всего; но у Розанова семья, в некоторых случаях, расширяется до народа) и управление – именно их

¹ У В. В. Розанова есть собственно политическое различие «друг – враг», и это – не революционеры, нигилисты или террористы, однако эта тема выходит за рамки данной статьи (см.: [12]).

единство и взаимное согласное существование Розанов видел в Царстве (непрерывно, самодержавном, и без «политики»). Русский народ, по Розанову, имеет в себе предрасположенность к такому неполитическому порядку Царства: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов» [15, с. 10]. Причем талант этот «амбивалентен»: собственно, он и был условием того, что Россия, по словам философа, в марте 1917 года «слиняла за три дня». Однако, «общественность» для Розанова безусловно отвратительна:

«Может быть, я ничего не понимаю: но когда я встречаю человека с “общественным интересом”, то не то чтобы скучаю, не то чтобы вражду с ним: но просто умираю около него. “Весь смолкнул” и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души. Умер. И пробуждаюсь, открываю глаза, когда догадываюсь или подозреваю, что “общественность” выскочила из человека (соседа, ближнего)» [15, с. 71].

Общественность, современность – «среда политики», и они «не суть». Политический интерес о будущем и забота повседневной «просто жизни» – на разных уровнях существования, из которых первый – «туман», «иллюзия», но такого свойства, что Розанов часто говорит о «кровавом мареве», и его нужно «оставить» (так как «преобразования» и «реформы» также, большей частью, или по крайней мере то, что они представляют собой в плане «общественности» есть как раз интерьер «кроваво-гнильного этажа» действительности).

В. В. Розанов и И. А. Ильин, противоположные почти во всем, «сходятся» только, кажется, в одном: в безусловном отвращении к революции; это – характерно, но совсем не типично для русской философии конца XIX – начала XX века.

Но Розанов, по собственному признанию, – «революционер»:

«Часть похвал, на мой “нос корабля” несущихся, мне противны донельзя, так как вытекают из глубокого непонимания всей моей личности и всего “исхода” моих писаний. Хвалят и многократно хвалили меня за то, что “в религии я почти бунтарь”, равно “в семье” и проч. Этим бедным левым кретинам только и брезжится, кто бы “устроил скандал в нашем клубе” или “залепил пощечину властям”. Между тем все это мне глубоко отвратительно и несносно. За всю жизнь (“созерцатель”) я ничего так не ненавидел, как “ремонта” и “свалки” (в квартире), “чистки комнат” – вообще, перемены, шума и нового. Старый халат и проношенные туфли – мой вечный идеал. С “дырочками” рубашка, но мягкая и тепленькая; моя любовь с детства и до могилы. Однако почему “это старенькое” я люблю? Тепло и удобно. Посему же я люблю взрыв, революцию, где “неладно сшито”, жмет, ломает. Когда комнаты “черт знает, как устроены”, “портной все изгадил”. Тогда я с бешенством Обломова (который может жить эгоизмом именно в меру своей лени)

вскакиваю и кричу: “Ломай все”, “Жги дом”. Вот. У меня не теория революции, которую я ненавижу всем своим существом, и ненавижу именно сердце революции, пафос ее, жерло ее, надежды ее... А... Я люблю наш старый сад, и пусть он цветет вечно» [16, с. 215].

Ильин же – глубоко и последовательно «реакционен». Различие здесь не только и не столько в «настроении», но прежде всего – в точке зрения: *откуда* и *как* смотреть на политику. Важно, что «удерживать разрыв» и «понятие политического», то есть философствовать о политике, достигая уровня «метафизического понятия» (по Шмитту), можно *по-разному*. Дать характеристики двух таких способов, осуществившихся в русской философии конца XIX – начала XX века, и имеющих общее («парадигматическое») значение – было задачей данной статьи.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. – М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.
4. Арндт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
5. Бердяев Н. А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1995. – С. 378–392.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
7. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
8. Ильин И. А. О большевизме и коммунизме // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. – С. 7–223.
9. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1995. – С. 31–221.
10. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – С. 300–443.
11. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 270 с.
12. Мальцев К. Г. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В. В. Розанова: моногр. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. – 284 с.
13. Мальцев К. Г. Понятие политического и «мировой беспорядок»: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка / К. Г. Мальцев, А. В. Мальцева, Л. Л. Ломако. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. – 914 с.
14. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.

15. Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 30. Листва. Уединенное. Опавшие листья. Указатели. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 591 с.
16. Розанов В. В. Собрание сочинений. Том 9. Сахарна. – М.: Республика, 1998. – 462 с.
17. Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – 527 с.
18. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
19. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.
20. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
21. Шмитт К. Гарант Конституции // Шмитт К. Государство: право и политика. – М.: Территория будущего, 2013. – С. 27–220.
22. Шмитт К. Политическая теология. // Шмитт К. Политическая теология. – М.: Канон-Пресс-Ц., 2000. – С. 7–98.
- 23 Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280–408.

References

1. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'*. [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life] Moskva: Evropa. 256 p. (In Russian).
2. Agamben, G. (2018). *Tsarstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya*. [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government] Moskva; Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU. 552 p. (In Russian).
3. Ankersmit, F. R. (2012). *Politicheskaya reprezentatsiya*. [Political Representation]. Moskva: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly ekonomiki. 288 p. (In Russian).
4. Arendt, H. (2011). *O revolyutsii*. [On Revolution]. Moskva: Evropa. 464 p. (In Russian)
5. Berdyaev, N. A. (1995). Koshmar zlogo dobra (O knige I. Il'ina “O soprotivlenii zlu siloyu”). [Nightmare of Evil Good (About the book by I. Ilyin “On Resistance to Evil by Force”). Il'in I. A. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 5* – Ilyin I. A. Collected works in 5 vols. Vol. 5. Moskva: Russkaya kniga. pp. 378–392. (In Russian).
6. Weber, M. (2016). *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii*. [Economy and society: essays on understanding sociology.]. v 4 t. T. 1. *Sociologiya*. – In 4 vols. Vol. 1. Sociology. Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 445 p. (In Russian).
7. Hobbes, T. (1991). *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo*. [Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil]. *Sochineniya: v 2 t. T. 2*. – Works in 2 vols. Vol. 2. Moskva: Mysl'. 731 p.
8. Il'in, I. A. (1998). *O bol'shevizme i kommunizme*. [On Bolshevism and Communism]. I. A. Il'in. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 7* – Ivan A. Ilyin. The Collected Works in 10 vols. Vol. 7. Moskva: Russkaya kniga. pp. 7–223. (In Russian).
9. Il'in, I.A. (1995). *O soprotivlenii zlu siloj*. [Resistance to Evil By Force]. I. A. Il'in. *Sobranie sochinenii v 10 t. T 5*. - Ivan A. Ilyin. The Collected Works in 10 vols. Vol. 5. Moskva: Russkaya kniga. pp. 31–221. (In Russian).

10. Leont'ev, K. N. (2005). *Vizantizm i slavyanstvo*. [Vizantism and Slavics] K.N. Leont'ev. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 12 t. T. 7. Kn. 1. – Leontyev K. Complete collection of works and letters in 12 vols. Vol. 7. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo “Vladimir Dal”. pp. 300–443. (In Russian).
11. Machiavelli, N. (2007). *Gosudar'; Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Liviya*. [The Prince. Discourses on the First Ten of Titus Livy]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 270 p. (In Russian).
12. Mal'tsev, K. G. (2020). “*Svoya smert'*” i *Russkoe carstvo: Filosofiya politiki V. V. Rozanova* [“Own Death” and the Russian Kingdom: V. V. Rozanov’s Philosophy of Politics]. Belgorod: BelSTU. 284 p. (In Russian).
13. Mal'tsev, K. G. (2020). *Ponyatie politicheskogo i “mirovoj besporyadok”*: *perspektivy soglasiya, vojny i global'nogo imperskogo poryadka*. [The concept of political and "world disorder": prospects for harmony, war and the global imperial order]. Belgorod: BelSTU. 914 p. (In Russian).
14. Novgorodtsev, P. I. (1991). *Ob obshchestvennom ideale*. [On a public ideal]. Moskva: Pressa. pp. 13–524. (In Russian).
15. Rozanov, V. V. (2010). *Listva. Uedinennoe. Opavshie list'ya. Ukazateli*. [Foliage. Lonely. Fallen leaves. Indexes.]. *Sobranie sochinenij*. T. 30. – Collected works. Vol. 30. Moskva: Respublika; Sankt-Peterburg.: Rostok, 591 p. (In Russian).
16. Rozanov, V. V. (1998). *Sakharna*. [Saharna]. *Sobranie sochinenij*. T. 9. - Collected works. Vol. 9. Moskva: Respublika, 462 p. (In Russian).
17. Struve, P. B. (1997). *Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, socialism*. [Patriotica: Politics, culture, religion, socialism]. Moskva: Respublika. 527 p. (In Russian).
18. Frank, S. L. (1992). *Dukhovnye osnovy obshchestva* // Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva*. Moskva: Respublika. pp. 13–147. (In Russian).
19. Heidegger, M. (2016). *Razmyshleniya II–VI* (Chernye tetrady 1931–1938). [Reflections II–VI. Black Notebooks 1931–1938]. Moskva: Gajdar Inst. Publ. – 584 p. (In Russian).
20. Heidegger, M. (2018). *Razmyshleniya VII–XI* (Chernye tetrady 1938–1939). [Reflections VII–XI. Black Notebooks 1938–1939]. Moskva: Gajdar Inst. Publ. – 528 p. (In Russian).
21. Schmitt, C. (2013). *Garant Konstitutsii*. [Der Hüter der Verfassung]. *Gosudarstvo: pravo i politika*. [State: law and policy]. Moskva: Territoriya budushchego. – pp. 27–220. (In Russian).
22. Schmitt, C. (2000). *Politicheskaya teologiya*. [Political Theology]. Moskva: Kanon-Press-C. pp. 7–98. (In Russian).
23. Schmitt, C. (2016). *Ponyatie politicheskogo*. [The Concept of the Political.] Sankt-Peterburg: Nauka. – pp. 280–408. (In Russian).

Личный вклад соавторов

К. Г. Мальцев: методология исследования, определение предмета философии политики, парадигмы философии политики, выводы; *А. В. Мальцева*: философия В. В. Розанова о политике; *И. В. Жданова*: предмет и основные направления сравнительного анализа в области философии политики, сравнительный анализ философии политики И. А. Ильина и В. В. Розанова.

Personal co-authors' contribution

K. G. Maltsev: research methodology, definition of the subject of philosophy of politics, paradigms of philosophy of politics, conclusions; *A. V. Maltseva*: politics in V. V. Rozanov's philosophy; *I. V. Zhdanova*: subject and main areas of comparative analysis in the field of philosophy of politics, philosophy of politics by I. A. П'yin and V.V. Rozanov comparative analysis.

Об авторах

Жданова Ирина Вадимовна, аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

About the authors

Irina V. Zhdanova, Post graduate student, Department of the Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Konstantin G. Maltsev, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Shukhov Belgorod State Technological University, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva, Cand. Sci. (Pol.), Associate professor, Shukhov Belgorod State Technological University, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.12.2020

Received: 07 December 2020

Принята к публикации: 25.02.2021

Accepted: 25 February 2021

Опубликована: 31.03.2021

Published: 31 March 2021